

На правах рукописи

9-

Силенин Иван Александрович

СМЕРТЬ КАК ФЕНОМЕН СВОБОДЫ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Курск 2019

Работа выполнена на кафедре философии факультета философии
и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор,
Торубарова Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты: **Варава Владимир Владимирович**
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»
(Финансовый университет),
профессор департамента социологии, истории и
философии

Кушова Ирина Андреевна
кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный
университет», доцент кафедры культурологии,
социологии и философии

Ведущая организация: **Калужский филиал ФГБОУ ВО МГТУ
им. Н. Э. Баумана (национальный
исследовательский университет),
кафедра общественных наук**

Защита состоится 23 мая 2019 г. в 15:00 на заседании совета по защите
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени
доктора наук Д 212.104.05 по философским наукам при ФГБОУ ВО
«Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область,
г. Курск, ул. Радищева, д. 29, к. 816).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО
«Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область,
г. Курск, ул. Радищева, д. 29).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2019 г.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте ФГБОУ
ВО «Курский государственный университет»: <http://www.kursksu.ru/>

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Дьяченко Ольга Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Танатологическая тематика является довольно значимым пластом философских исследований. Особую актуальность она приобретает в современном обществе в период господства мультимедийного пространства и дегуманизации, сопровождающихся разрушением основ человеческого бытия, крайним индивидуализмом и в то же время глубокой деперсонализацией. Вот почему сегодня особенно важна апелляция к бытийному опыту человека, осмысливаемому в его ключевых экзистенциалах (экзистенциализм), где одним из ключевых конституэнтов в понимании смерти является свобода. В современном мире она оказывается весьма размытым и смыслово неопределенным понятием и отнюдь не ассоциируется со смертью. Да и сама смерть видится феноменом внешним и метафорическим. Однако именно свобода выступает фундаментальным горизонтом в постижении сущности смерти. Переосмысление понятия смерти, исследование ее как собственно феномена свободы (что и было предпринято в экзистенциализме) дает ключ к пониманию подлинной сути опыта человеческого существования в его самобытии и самобытности. Сегодня свобода мыслится как нечто сопряженное и определяемое через посредство воли (воля быть..., воля к...), что ведет к утрате метафизической глубины в понимании самого опыта человеческого существования (*existencia*). Спекуляция терминами, создающая иллюзию свободного человека, приводит не только к размытости границ его существования (киборги, виртуальная реальность, клонирование), но и, по сути дела, к элиминации смысловой самоопределяемости человеческого опыта, который не может быть осмыслен в своей целостности вне того, что составляет природу человека как существа смертного и конечного. Вот почему именно понимание свободы посредством осознания природы смерти и ее осмысления как феномена свободы ведет к экспликации уникальности собственно человеческого экзистенциального опыта. Поэтому необходимость самоидентификации человека в обществе, где господствует *map*, является столь насущной и актуальной, ибо, как говорит Жан-Поль Сартр, «...нет различения между бытием человека и его “свободным-бытием”»¹.

Предпринятое исследование представляет собой осмысление экзистенциальной философии сквозь призму анализа экзистенциальных категорий человеческого бытия (экзистенциалов: смерть, свобода и другие) и направлено на выявление ключевых конституэнтов, определяющих свободу человека в рамках его смертности. Смерть – предел существования, порождающий страх и тоску, экзистенциальную тоску, которые актуализируют особую ответственность, уникальную тем, что она являет

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – С. 234.

собой ответственность перед самим собой и фундирует смысловую наполненность категорий человеческого существования.

Необходимость анализа истоков, проблем и смыслов смерти как феномена свободы определяет общепhilosophическую и общекультурную актуальность диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Свобода и смерть являются ключевыми и наиболее исследуемыми понятиями категориального аппарата экзистенциальных мыслителей, яркими представителями которых являются С. Кьеркегор, М. Бубер, К. Ясперс, Г. Марсель, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, С. Бовуар, Н. Аббаньяно.

Анализу и осмыслению ключевого спектра экзистенциальных констант в отечественной философской литературе уделялось значительное внимание. Исследования, посвященные экзистенциальному опыту человека в его основных понятийных детерминациях, отличаются тематическим и методологическим разнообразием. Анализируемая проблематика находит отклик в работах авторов, использующих культурно-исторический подход. Его представители оценивали фундаментальные труды не только исходя из содержания, но и исследуя их историческую обусловленность, которая представляла собой ответ на насущные проблемы времени. Э.Ю. Соловьев¹ исследует «Бытие и время» М. Хайдеггера в историческом аспекте, подчеркивая его особую структуру и задаваясь вопросом о причинах выбора мыслителем центральных понятий, таких как время и экзистенция. Круг научных интересов А.В. Ахутина² также включает онтологию М. Хайдеггера; в частности Dasein, по его мнению, является ключом к постижению экзистенциализма: понимание его сути проясняет все смысловые ходы и сюжетные построения философии М. Хайдеггера. Также особого внимания заслуживает работа М.А. Кисселя, заключающая в себе анализ основных этапов творческого пути Ж.-П. Сартра³. Труды последнего, выступая одним из основных теоретических источников современной философии ревизионизма, открываются в критике классического культурного наследия; по его мнению, возвращение к проблемам свободы экзистенции является не чем иным, как вызовом времени. Культурно-философский анализ экзистенциализма осуществляет В.А. Подорога⁴, объектом исследования которого выступают труды С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, М. Пруста, Ф. Кафки. С его точки зрения, анализируемые работы обладают

¹ Соловьев Э. Ю., Кант И. Этический ответ на вызов эпохи секуляризации // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 2005. – № 2004. – С. 213.

² Ахутин А. В. Философия: в поисках онтологии: сб. тр. Самарской гуманит. академии. Вып. 5. – Самара: Изд-во СаГА, 1998. – С. 37.

³ Киссель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. – М.: Лениздат, 1976. – С. 115.

⁴ Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. – М.: Ad Marginem, 1995. – С. 302.

индивидуальными коммуникативными измерениями и ценностями, которые в классической философской рефлексии не подвергаются осмыслению.

Внимание современных исследователей, как правило, нацелено на концептуализацию экзистенциального опыта, либо связанного с изучением феномена свободы, либо с танатологической проблематикой. Однако прояснение сущности свободы, ее феноменологического горизонта, пожалуй, в меньшей степени сопрягают с понятием смерти. На первый план выходит обсуждение таких проблем, как отчуждение, небытие, хрупкость человеческого бытия, танатология, суицид, эвтаназия и так далее. Так, А. С. Гурьянов и В. Д. Губин подчеркивают необходимость применения аналитики экзистенциального опыта человеческого существования¹; оригинальные варианты рассмотрения диалектики и метафизики жизни и смерти были предложены Е.А. Клепиной², а с точки зрения экзистенциально-онтологического подхода – И. А. Кушовой³. Кроме того, особого внимания заслуживают работы В. В. Мануковского, который рассматривает свободу человека посредством раскрытия основных содержательных элементов эпистемологии экзистенциалов, а также взаимосвязи последних с одним из ключевых понятий К. Ясперса – пограничной ситуацией⁴. С. И. Голенков⁵ представляет свободу, исходя из ее соотношения с разомкнутостью “*бытия-вот*” в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Обращая свое внимание на фундаментальные основы экзистенции, Ю. Верба⁶ находит отклик на проблемы современности в работах В. Франкла, связывающего ощущение смыслоутраты с подменой бытийных экзистенциалов рассудочными категориями любви, веры, совести, что так же входит в сферу научных интересов А. Р. Бурханова⁷, который анализирует основоположения экзистенции в трактатах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, экзистенциал надежды в работах Г. Марселя, экзистенциал свободы – в концепциях А. Камю. К актуальной проблеме современности обращается С.А. Демидова⁸,

¹ Гурьянов А. С. «Онтологический поворот» Хайдеггера: методологические размышления // Учен. зап. казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки, 2012. – № 1. – С. 47-56; Губин В.Д. Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1996. – С. 117.

² Клепина Е. А. Диалектическое единство ценностно-смысловых аспектов жизни и смерти // Известия ВолгГТУ. – 2012. – № 11. – С. 28.

³ Кушова И. А. Сознание, определяющее свободу, в экзистенциализме Ж.-П. Сартра // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 11.

⁴ Мануковский В. В. Экзистенциальное содержание понятий «встреча» Г. Марселя и «пограничная ситуация» К. Ясперса // Вестник ЧГУ, 2012. – №1. – С. 124.

⁵ Голенков С. И. Феномен понимания в основоустройстве бытия-вот (Присутствия) // Вестник СамГУ. – 2014. – № 9 (120). – С. 17.

⁶ Верба Ю. Духовная природа человека в экзистенциальной философии Э. Франкла // Философская антропология. – 2017. – № 1. – С. 137.

⁷ Бурханов А. Р. Человек и его экзистенция в философии Карла Ясперса // Вестник Нижневартковского государственного университета. Сер.: Культурология. Философия. Социология. – Нижневартковск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та. – 2014. – №5. – С. 21.

⁸ Демидова С. А. Человек перед «Лицом» абсурда: проблема экзистенциального выбора в философии Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – №3 (37). – С. 52.

предметом ее исследования является проблема экзистенциального выбора в творчестве А. Камю, рассмотренная в контексте атрибутов фактичности человеческого существования – смерти, свободы, одиночества, любви, абсурда, бунта. Анализируя труды М. Хайдеггера, А.В. Водолагин¹ и А.С. Емельянов² обращаются к структурам повседневного человеческого существования, отмечая, что потеря свободы сопряжена с растворением в бытии повседневности, а ее обретение – с совестью как зовом бытия. Отдельного внимания заслуживает работа О.И. Жуковой³, в которой феномен свободы человека освещается с позиции идентичности; свобода в таком случае предстает как самореализация человека в качестве ответственной и самодостаточной личности, центрирование себя в качестве целостной самости. Оригинальный взгляд на вопрос идентичности предлагает П.С. Гуревич⁴: в его понимании в центре экзистенции лежит трудно насыщаемая потребность человека осознать себя как существо индивидуальное и неповторимое, однако действие механизма идентизации, заключающегося в поиске специфического для человека свойства в самом себе, является редкостью и становится уделом избранных.

Непосредственно с проблемой смерти связана тематика научной деятельности С. В. Комарова⁵, который касается вопроса события собственного времени: стратегии борьбы со временем исследователь связывает с модусами собственной и несобственной историчности. Исследование первичных и вторичных для человеческого мира феноменов проводит В. И. Молчанов⁶, анализируя труды М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля и др. Время рассматривается им как функция и посредник пространства, а потребность в самостоятельности – как фикция. Смерть как проблему нравственной философии представляет В. В. Варава⁷. Согласно проведенному им анализу, в последние десятилетия проявляется огромный интерес к проблеме смерти – отмечается «танатологический ренессанс», что, по мнению исследователя, свидетельствует не о многообразии мнений, но, скорее, об исчезновении философского

¹ Водолагин А. В. Книга М. Хайдеггера «Бытие и время» (1927): современные интерпретации (к 80-летию публикации) // Ученые записки РГСУ. – 2008. – № 2. – С. 179.

² Емельянов А. С. Совесть как зов бытия в философии М. Хайдеггера // Вестник ВолГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2016. - №1 (31). - С.17.

³ Жукова О. И. Понятие трансценденции и его значение для анализа структуры самости // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 323. – С. 70.

⁴ Гуревич П. С. Идентичность – привилегия человека // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 43.

⁵ Комаров С. В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 1. – С. 115.

⁶ Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. – М.: Академический проект, 2015. – С. 46.

⁷ Варава В. В. Смерть как проблема нравственной философии: На материале русской философской культуры XIX-XX веков: автореф. канд. филос. наук. – Тула, 2005. – С. 16; Варава В. В. Этика неприятия смерти. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – С. 178.

стремления к истине. На пребывании в неистине также делает акцент Е. Ю. Сиверцев¹: согласно его представлениям, смерть известна нам лишь феноменальным образом; однако испытываемое человеком чувство конечности, несмотря на сопряженное с ним чувство страха, неотрывно от экзистенции, ибо дает ощущение свободы, которое, в свою очередь, открывается за счет исключительно человеческой возможности – саморефлексии.

Среди зарубежных исследователей стоит отметить Дж. С. Файнберга², касающегося актуальной этической проблемы опыта суицида и эвтаназии. Им поднимаются и раскрываются философско-теоретические основания свободы и смерти в обществе.

Среди современных исследований зарубежной философии особо выделяется нестандартный путь осмысления проблем экзистенциализма в работе О'Мара Доминик³. Целью исследования автора является изучение проблемы связи между осознанием нашей смертности и самосознанием. Обращаясь к представителям греческой философии, он отмечает различные подходы к разрешению противоречия и напряженности самосознания и смерти как граней человеческого существования. В рамках перекрестных проблем этики и экзистенциализма внимания заслуживает работа Калогирату Андроники⁴, рассматривающего свободу выбора и роль самоубийства в жизни человека.

Тем не менее, ни в русскоязычной литературе, ни в зарубежных исследованиях смерть как феномен свободы не являлась предметом специальных исследований. При достаточно обширном анализе собственно понятий смерти и свободы в экзистенциализме, лишь малую часть составляют работы, посвященные раскрытию их фундаментальной взаимосвязи – постижению существа смерти через экспликацию феномена свободы в опыте экзистенциальных мыслителей. Таким образом, степень научной разработанности проблемы нельзя определить как достаточную, что обуславливает настоятельность и актуальность выбора темы исследования.

Объектом исследования выступает взаимосвязь феномена свободы и смерти как особых бытийных категорий.

Предметом диссертационного исследования является идея смерти как феномена свободы в экзистенциальной философии.

1 Сиверцев Е. Ю. Физическое бессмертие и проблема самосознания // Манускрипт. – 2016. – № 3-2. – С. 139.

2 Feinberg J. Harm to self. The moral limits to the clinical law. New-York: Oxford University Press, 1986. – P. 12.

3 О'Мара Д. Осознание себя, времени и смерти в греческой философии: несколько размышлений // Schole. СХОЛЭ. – 2015. – № 2. – С. 286.

4 Kalogiratou Androniki Plotinus views on soul, suicide, and incarnation // Schole. СХОЛЭ. – 2009. – № 2. – S. 391.

Цель исследования состоит в концептуализации смерти как феномена свободы в рамках экзистенциальной философии. В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи исследования**:

- определить место свободы и смерти среди иных экзистенциалов в контексте философии существования;
- раскрыть экзистенциальный статус человеческой свободы и смерти, выявить их значение в структуре человеческой экзистенции;
- проанализировать феномен конечности с позиции понимания смерти как условия свободы, поскольку смерть в экзистенциальной традиции понимается как экзистенциал, способный к мотивированию поступков;
- эксплицировать смерть как высший уровень ответственности, а также как явление, побуждающее к переоценке смысла бытия;
- выявить роль свободы как способа преодоления смерти, обладающей не деструктивным, а конструктивным характером.

Теоретико-методологические основы исследования

В данном диссертационном исследовании применяются следующие методы.

1) Метод текстологического анализа позволил провести оценку существующих исследований для их систематизации и возможности применения в данном диссертационном исследовании.

2) Герменевтический метод применялся для анализа художественных текстов С. Бовуар, Л.Н. Толстого, Ж.-П. Сартра и других, что позволило конкретизировать и совершить более подробный анализ их концепций.

3) Компаративистский метод позволил проследить формирование, развитие и применение философско-антропологических концепций в вопросе свободы и смерти, что помогло выявить сущность этих понятий в экзистенциальной философии.

4) Диалектический метод использовался в анализе диалектики смерти и свободы как двух взаимоисключающих, но в то же время дополняющих экзистенциалов бытия.

5) Системный метод применялся для анализа, описания и дифференциации таких понятий, как конечность и смерть, ответственность и свобода и других.

Научная новизна исследования заключается в принципиально новом подходе к осмыслению статуса смерти через посредство феномена свободы в экзистенциальном опыте мыслителей. Свобода выступает фундаментальным горизонтом экспликации существа смерти. Через посредство осознания феноменального контента свободы в данном исследовании предпринята попытка изучения феномена смерти, ведущая к выявлению подлинной сути опыта человеческого существования в его самобытности, самобытийности.

Тем самым, высвечивая различные грани смерти, фундированной в свободе, раскрывается опыт человеческого существования и его бытийная структура.

Новизна диссертационного исследования раскрывается и уточняется в **основных результатах**, полученных автором:

1) Установлено, что свобода и смерть в экзистенциальной традиции играют ведущую роль, поскольку они позволяют перейти от несобственного бытия к собственному, которое осмысливается как наполненное осознанной ответственностью и неразтворенностью в повседневности, иные экзистенциалы лишь размыкают бытие.

2) Показано, что в философии существования экзистенциальный статус свободы во многом и самом существенном определяется фактом смерти, которая раскрывает свободу. То есть, придя к осознанию своей смертности, субъект побуждается к действию, что эксплицирует ответственность, которая в экзистенциализме обуславливает свободу. Из чего следует, что осознание смерти обособляет человека от всего живого мира, наделяя его способностью к актуализации и реализации творческого потенциала в акте свободного выбора.

3) Предложено понимание смерти как условия свободы человека, так как смерть – риск, который побуждает к ответственности, а ответственность мотивирует к осознанию свободы. Способность осознавать свою смертность выявляет уникальность и индивидуальность человеческого бытия.

4) Смерть эксплицирована как высший уровень ответственности. В экзистенциальной традиции жизнь и смерть не последовательны, но акт умирания длится постоянно, при этом человек не растворяется в фактичности смерти и не идентифицирует ее как конечный рубеж, но находит как пограничную ситуацию, побуждающую к абсолютной ответственности за свое бытие, так как структура ответственности совпадает со структурой смысла, а ответственность за смысл своего бытия – наивысшая.

5) Обосновано понимание свободы как пути преодоления смерти. Человек в экзистенциализме обнаруживает свою смертность не как конечный рубеж, а как поле преодоления, необходимое для инициации свободы. Суть этого заключается в формировании особого бытийного состояния – преодоления, толчка к свободе, к ответственности, к подлинности. Препятствие всегда порождает желание его преодолеть, отсутствие препятствия – не иницирует состояния этого преодоления. Осознание смерти в таком случае носит не деструктивный, а конструктивный характер, так как побуждает к переосмыслению смысла бытия.

Полученные в диссертационном исследовании результаты позволяют сформулировать **основные положения, выносимые на защиту**:

1) В философии существования такие экзистенциалы, как страх, ужас, забота, совесть лишь размыкают бытие, то есть выводят человека к черте, разграничивающей бытующую повседневность и экзистенцию. Только сознание смерти как пограничной ситуации порождает ответственность и свободу, которые происходят исключительно из понимания личной конечности. Осознание смерти действует как катализатор реакции перехода

от обыденности к такому модусу бытия, который задает предпосылки истинного существования – бытия к-смерти, состояния осознания своей ответственности.

2) Смерть и свобода в экзистенциализме являются основами, определяющими человеческое бытие. Осознание и принятие смерти как своей возможности открывает человеку способность быть самим собой. Отсюда свобода и смерть оказываются во главе экзистенциальной структуры бытия. Открываясь перед человеком безотносительной и главной возможностью, смерть обнаруживает все остальные бытийные возможности, являя человеческую природу в обособлении от всего живого мира, и наделяет человека способностью к осознанному конструированию собственной жизни и реализации творческого потенциала в акте свободного усилия воли, что обнажает статус смерти как феномена свободы.

3) Мера и глубина свободы-ответственности человека в экзистенциализме выявляется в результате его интеллектуального усилия самоопределения в мире. Напряжение между бесконечностью и необходимостью ответственности и в то же время всегда конечной формы своего бытия вызвано трагическим мироощущением неотвратимости смерти, которая должна быть четко осознана, ибо непринятие собственной смертности не позволяет обрести свободу и влечет за собой потерю самости и растворение в повседневности. Ситуация смерти, будучи неизбежной, проживается как риск, являющийся условием обнаружения своей свободы. Таким образом, принятие смерти эксплицирует совершенную свободу человека.

4) В экзистенциализме ответственность человека абсолютна. Актуализированная осознанием приближения момента смерти, она утверждает всякое отсутствие заранее заданного смысла экзистенции, а также то, что он никогда не может быть данностью, что позволяет открыть безграничные возможности к обретению подлинного смысла бытия. Ответственность – это обязательство не перед кем-то, но перед собой; ответственность за смысл собственного существования – это самоподдерживающееся живое состояние, позволяющее преодолеть некую пустоту, оставленную онтологическим устройством мира и мысли. Смерть позволяет иным способом оценить этот смысл. Коль скоро структура смысла совпадает со структурой ответственности, а существование человека неотделимо от ответственности, осознание смерти побуждает к переоценке смысла, дабы выявить его незыблемость. В опыте человеческого существования это является пограничной ситуацией к обнаружению высшего уровня ответственности.

5) В философии существования изначально человек предстает как существо инзистентно-экзистентное, то есть колеблющееся между обращением к бытующей повседневности и использованием сущего для установления внутримирных отношений. Такая полярность ведет к

осознанию безфундаментности существования и обрекает человека на постоянный поиск основы бытия.

Свобода в таком случае оказывается экзистенциалом, преодолевающим смерть. Преодоление смерти в данном контексте – ее экзистирование. Постоянная внутренняя напряженность, вызванная осознанием неминуемости смерти, побуждает человека к действию, поскольку за него никто другой решить эту проблему не может. И это действие – не результат сожаления, а акт преодоления смерти. Следовательно, осознание смерти носит не деструктивный, но конструктивный характер. Свобода нуждается в некотором препятствии, путем преодоления которого она может быть обнаружена.

Научно-теоретическое значение данного исследования состоит в том, что оно позволяет выявить ранее не различенные грани понятий смерти и свободы, подчеркивает их специфику и сущность, возможности их взаимодействия и сосуществования, необходимость осмысления в современном обществе, дает возможность детальнее проследить и понять их неоднозначность и противоречивость, а также вносит значительный вклад в понимание экзистенциального опыта человека.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке и составлении учебных курсов по философии, философской антропологии, социальной философии, социологии и спецкурсов как для философских, так и нефилософских специальностей.

Личный вклад автора состоит в проведении комплексного философско-антропологического исследования феномена смерти в качестве необходимого условия свободы в философии экзистенциализма.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается:

- опорой на текстовый анализ фундаментальных трудов представителей экзистенциализма, а также рассмотрением исследований современников, интерпретирующих феномены свободы и смерти;
- правомерностью используемых научно-методологических подходов;
- обращением к предшествующей критической традиции исследования феноменов свободы и смерти.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в авторских публикациях, 3 из которых входят в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Ключевые положения диссертационного исследования представлены в научных журналах: «Современные исследования социальных проблем» (г. Красноярск), «Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики» (г. Москва). Выводы и результаты исследования были изложены

на международных, всероссийских и региональных конференциях: международной научно-практической конференции «Христианство. Философия. Культура», проходившей в рамках XII Международных научно-образовательных Знаменских чтений (г. Курск, март 2016 г.); VIII международной научно-практической конференции «Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке» (г. Новосибирск, 2017 г.); научно-практической конференции с международным участием «Проблемы философии: история и современность» (г. Курск, 2018 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование включает введение, две главы, каждая из которых содержит четыре параграфа, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначена актуальность темы исследования, отражена степень ее научной разработанности, определены объект и предмет исследования, а также выявлена его цель и сформулированы исследовательские задачи. Подобрана теоретико-методологическая основа исследования, освещена источниковая база, обозначена научная новизна исследования, представлены его результаты, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Подчеркнута теоретическая и практическая значимость исследования, указаны формы ее апробации и представлена информация о структуре работы.

В первой главе **«Свобода и смерть как экзистенциальная проблема»** раскрываются категории смерти и свободы в рамках экзистенциальной философии, определяется роль смерти и свободы в современном обществе, выявляется взаимозависимость последних, а также подчеркивается амбивалентность и парадоксальность феномена смерти.

Первый параграф **«Роль свободы и смерти в структуре человеческой экзистенции»** очерчивает круг вопросов относительно феноменов свободы и смерти; в нем эксплицируется категория ответственности, где последняя выступает связующим звеном между осознанием смерти и свободой.

Особое внимание обращается на то, что свобода в экзистенциальной философии рассматривается как ответственность, но не как благо. Свобода – ситуация, порождаемая риском усилия. Что-либо в мире становится возможным лишь тогда, когда человек возьмет на себя груз ответственности, который связан с личностным риском.

Согласно Ж.-П. Сартру, человек осужден быть свободным, будучи однажды заброшенным в этот мир, он обязан выбирать, поскольку лично ответственен за свое бытие. Тогда смерть есть атрибут заброшенности: наравне с жизнью, она задает плоскость координат, в которой разворачивается человеческое бытие.

Сам феномен смерти нельзя отнести к структуре экзистенции, однако он располагает бытие к обретению модуса собственности, конституируя последнее в априорной свободе: согласно М. Хайдеггеру, экзистенция есть условие возможности собственности и несобственности. Отсюда осознание смерти является основанием бытия в мире – раскрытия, которое обнаруживает способность человека к обретению истинности посредством размыкания в бытии к-смерти как присущей экзистенции способности быть. Бытие к-смерти обнажает перед человеком его заброшенность, поэтому требуется усилие воли, чтобы принять собственную конечность. Однако только размыкание бытия в понимании смерти как своей возможности позволяет принять на себя способность быть.

Синтез воли субъекта и «судьбы» есть завершённое состояние проекта. Смерть является одновременно окончанием проекта и обретением целостности экзистенции в бытии в-себе: это точка, к которой стремятся и в которой сливаются бытие для-себя, бытие для-других и бытие в-себе.

Отсюда смерть и свобода – центральные феномены в формировании экзистенциального опыта. Экзистенциализм, открывшись закономерным этапом реформации светского мировоззрения в свете рефлексии относительного военного времени, явил миру нового человека – человека, не отгораживающегося от собственной сущности, но признающего себя творцом собственной жизни, свободного и открывшего для себя основы подлинного бытия. Только осознание смерти является тем экзистенциалом, который эксплицирует истинную свободу и бытие человека.

Во втором параграфе **«Экзистенциальный статус человеческой свободы и смерти»** проводится анализ роли смерти и свободы в экзистенции, который позволяет обнаружить аспект феноменов свободы и смерти, в котором человек эксплицируется как существо трансцендентное – экзистенциальный статус, то есть значимость свободы и смерти не для тела, но непосредственно для личности.

Феномен свободы актуализируется посредством ангажированности – столкновения с окружающим миром. То есть свобода не только не ограничена смертью, но проистекает из нее; смерть входит в поле преодоления свободы. Кажущееся противоречие в невозможности переступания смерти как барьера телесного, обнаруживает свою несостоятельность, когда мы обращаемся к феномену неантизации Ж. П. Сартра.

Неантизация, или обращение в ничто, выступает необходимым основанием для «сознания свободы» – тоски и тревоги перед неотвратимостью смерти. Сознание свободы, иначе как ощущение Ничто в мире, является неотъемлемой составляющей человеческого существования; открывая Ничто экзистенции, собственное небытие, человек выходит за рамки телесности. Так человек преодолевает смертность, открывая для себя конечность – бытие, открытое к осознанию временности в качестве обязательного компонента собственного существования; в ощущении тоски

человек актуализирует свою абсолютную свободу посредством принятия того, что смысл его бытия задается только им самим. Вместе с осознанием смертности человек открывает для себя заброшенность – он не один в этом мире, однако же одинок; его бытие есть возможность другого обрести свободу, то есть оно уже не его собственное; каждый человек обнаруживает открытость свободы для другого, каждый ответственен за свободу каждого.

Хайдеггер М. подробно описал рассмотренный феномен, который называл падением. Падение есть «основообраз бытия повседневности»¹, то есть модус человеческого бытия, держащийся заботы. Падение можно представить в качестве экспоненциально растущей прямой, доходящей до точки максимума, а после стремящейся вниз. Так, человек, рождаясь, погружается в бытие других, как свое собственное. Оно становится отражением его Я: человек познает себя только через другого. Озабоченность повседневностью не позволяет человеку задуматься о потере собственной аутентичности, поскольку понимание Я заменило понимание Мы.

Ответственность, будучи для каждого своей, погруженным в повседневность человеком разделена на все множество Мы, с которым он себя идентифицирует. Однако столкновение с ничто экзистенции выступает поворотным событием в бытии каждого: в тоске и ужасе перед возможностью собственной невозможности быть, человек обнаруживает свою беспомощность, открывая для себя свое существование как существование одинокое. В смерти каждый одинок, а значит, в полной мере ответственен за свое бытие.

Так человек ужасается смерти, полностью обособляя себя от бытия других. При этом смерть входит в его жизненное пространство уже не как граница, упоминание о которой в обществе даже не принято; смерть входит в пространство личности, обретая значимость в качестве возможной целостности присутствия. Бытие человека в таком случае оказывается не просто ограниченным бытием, но эксплицирующимся как бытие-к-конечности присутствием. Таким образом, значимость смерти как феномена открывается в рождении у человека экзистенциального ужаса перед собственным небытием, ужаса, обнаруживающего его один на один с собой; при этом смерть выступает почвой для обретения более глубокого смысла, располагает бытие в модусе бытия к-конечности, выступающего онтологическим субстратом Dasein.

В третьем параграфе **«Экзистенциализм: бытие между жизнью и смертью»** бытие к смерти было определено в качестве основной категории присутствия.

У человека, столкнувшегося со смертью лицом к лицу, есть два пути: первый заключается в отрицании собственной природы, маскировке смерти под маской всеобъемлющего и неотторжимого от всего живого свойства и, тем самым, нивелирования смерти до ежечасно случающегося, но

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Фолио, 2003. – С. 92.

минующего конкретно меня феномена. Второй путь – это путь обретения подлинности бытия вместе с признанием смерти как возможности к обретению аутентичности бытия, бытия в свободе от иллюзий, навязанных повседневностью. И первый и второй пути есть бытие к смерти, поскольку с момента рождения человеческое бытие стремится к своему завершению; однако только отвергаемое человеком бытие к смерти обнажается в философии экзистенциализма как несобственное бытие, являющееся открытым вопросом по сей день.

По Хайдеггеру, бытие всегда стремится к своему концу, скрывая это в экспликации смерти в качестве обыденного происшествия, происходящего с другими. При этом само общество виновато в таком представлении смерти, поскольку смерть объясняется им всегда как событие уже случившееся, т. е. отрицается характер возможности смерти. Вместе с этим, как уже отмечалось ранее, сокрытие Ничто препятствует обнаружению истинности бытия. Только посредством Ничто для человека открывается возможность переступить границы сущего, то есть смерть выступает основанием человека как существа трансцендентного, способного в проектировании себя к будущему обрести целостность Dasein.

Бытие человека разомкнуто благодаря сознанию: им человек может мыслить себя за пределами момента здесь и сейчас. Сознание есть исключительное свойство человеческого бытия, включающее в структуру последнего некое еще-не, то есть что-то, чем человек еще не является. Тогда бытие к-смерти всегда разомкнуто.

Смерть, будучи символом конечности жизни, преодолевается логикой мысли, при этом она всегда включена в бытие еще живого человека, тем самым, несет в себе частицу отрицания; отрицания позитивности в бытии, суть которого отрицание, но существование которого открывается в стремлении к позитивности в той же мере, насколько человеку свойственна фактичность. Мышление к смерти же позволяет обойти человеку пограничную черту собственного существования, тем самым, нейтрализуя смерть, делая ее немислимой.

Однако человек, выходя за рамки понимания себя как существа, определяемого фактичностью, в мышлении к смерти не только находит себя как существо трансцендентное, существо, готовое принять себя, а значит, обретающее аутентичность и целостность. Человек, отказываясь от иллюзий людей относительно смерти как всегда уже случившегося, а значит не касающегося лично его события, отказывается от общества в целом: обособляясь от всего мира, он находит себя как существо одинокое, взвалившее на себя груз ответственности за свое бытие перед самим собой и перед всем обществом, для которого он будет примером. Данное состояние, упомянутое ранее как пограничное, сопровождается экзистенциальным ужасом, страхом, актуализируется как источник тревоги перед собственным небытием.

Бытие человека отныне сопряжено с мужеством быть – той силой, которая позволяет ему не просто существовать, но изменять историю и творить культуру: «Поскольку нам угрожает смерть, надо доказать, что смерть – это ничто»¹. Освобождаясь от замаскированного страха небытия, человек стремится к действию; осознание собственной временности движет его бытием; последнее теперь не бегство от, но движение навстречу, однако с полным осознанием полноты собственной жизни.

В четвертом параграфе «Смерть как экзистенциальный парадокс» смерть эксплицирована как парадокс экзистенции, а также проясняется специфика феноменов смерти и конечности.

Человеческая жизнь основана на воспроизведении прошлого и трансляции его в будущее: человек обретает себя посредством традиций, является частью культуры своей родины, будучи частицей своего народа. Однако в нынешнем современном укладе ценность быть в обществе возросла до необъятных масштабов. Нивелирование культурных особенностей приводит к тому, что люди привязываются к тому, от чего ранее стремились отгородиться. Как следствие – человека охватывает страх оказаться лишь частицей, не имеющей смысла без целого, которое она составляет: таков результат падения по М. Хайдеггеру. Страх экзистенции за свое самобытие настолько силен, что человек обращается к религии и философии в поисках ответа на вопрос: как ему сохранить свою идентичность.

К. Ясперс полагает, что человек есть намного больше того представления, которое о самом себе у него сложено: он есть возможность, даруемая свободой. Сам человек есть постоянное противоречие в самом себе, на основе чего К. Ясперс делает вывод, что основная цель людей состоит в противопоставлении себя самим себе. Это находит отражение и в философии Ж. П. Сартра – отрицание себя как бытия в-себе: законченного, сложенного образа. Человек есть свобода, однако вариации в ее реализации зависят исключительно от самого человека: его будущее бытие непрозрачно для него, поскольку оно может принимать совершенно любую форму. Человек снова и снова перешагивает собственную смерть, поскольку его нет в данный момент: он существует в проекте самого себя, то есть в прошлом или будущем.

Смерть как феномен фактичности не является пограничной ситуацией. Она есть случайность, которую человек ожидает, но о которой не имеет никакого представления кроме протяженной через всю жизнь необходимости ожидания. Пограничной ситуацией она становится только в момент экзистирования, в момент осознания временности как необходимого элемента существования. Экзистенциальный ужас в ожидании конца есть доказательство экзистенции. Не стремление к смерти, но только прекращение жизни как явления в присутствии экзистенции способно стать истиной.

¹ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр.; общ. ред., сост. предисл. и примеч. А. Руткевича. – М.: Политиздат, 1990. – С. 81.

Человек способен потерять экзистенцию в принятии существования как бытия в-себе, растворяясь в нем; погружаясь в заботу повседневности, он сам становится только воплощением своего существования в перемерении страха с забывчивостью.

Пред лицом смерти как пограничной ситуации возникает возможность двойственной экспликации опыта существования: «что остается существенным пред лицом смерти, то мы сделали, экзистирова; что же слабеет пред лицом ее – не более чем существование¹». Так, человек теряет себя, держась за длительность жизни как таковую; напротив, совершая действия, существенные как явления экзистенции, он побеждает себя как существо физическое и находит путь к себе самому.

Вторая глава **«Свобода в сфере конечности бытия»** раскрывает главную идею диссертационного исследования: феномен смерти эксплицируется как источник и единственное достаточное основание свободы; дается представление о бытии к смерти как единственном истинном модусе бытия.

В первом параграфе **«Смерть как условие свободы»** свобода обнаруживается не только как априорно данное человеку свойство, но и как постоянно требующий подтверждения факт; человеку необходимо иметь мужество быть свободным, потому как смерть для него оказывается испытанием и последним этапом к обретению целостного и свободного бытия. Смерть и свобода есть те параметры, переживая которые субъект задает свое бытие. «Задаёт» в данном случае рассматривается в смысле реализации своего проекта. Для создания проекта берутся особые условия и параметры, то, что «дано» и то, что является неотделимым атрибутом в процессе выполнения того самого проекта. Смерть и свобода – уже даны и не могут быть отняты.

Бытие для – себя является определяющим для человека как существа духовного. В нем заключается онтологический фундамент познания, им обусловлена человеческая субъективность. Именно это бытие эксплицирует человека как существо свободное.

Свобода представляет собой возможность, которая есть присущая исключительно Dasein характеристика; полностью она разворачивается в бытии благодаря человеку, в волевом акте преодолевающему пределы собственной витальности.

Человеческая жизнь в настоящем конституируется в постоянном бегстве от бытия как вещи в – себе, где победа последнего неизменно являет собой смерть. Таким образом, бытие человека открывается в стремительном движении к смерти; осознание человеком данного феномена коррелирует со свободой, связывая отношение собственной конечности с основами подлинности бытия. Так, повседневность держит человека в человеко-самости, интерпретируя смерть в качестве феномена, случающегося

¹ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. – М.: Канон, 2012. – С. 226.

исключительно с другими. При этом достоверное понимание конечности отодвигается вглубь экзистенции, тщательно скрываясь. Однако только собственное бытие к смерти размыкает личное и истинное бытие, конституированное в раскрытии полной достоверности смерти, в понимании последней в качестве «наиболее своей, безотносительной, достоверной возможности¹». Только в обнаружении временности в качестве центрального свойства человеческого бытия лежит причина обретения подлинной самости – бытия-самости. При этом переход от человеко-самости к бытия-самости не стремителен: он происходит посредством размыкания присутствия совестью – «spiritual unconscious». Совесть же вызывает самость присутствия из потерянности в людях: как феномен присутствия, она обеспечивает особое свойство экзистенции просвечивать саму себя. Так, человек ускользает от конечности в своей свободе, при этом последняя не является данностью, достаточным основанием которой выступал бы факт человеческого рождения, но актуализируется лишь в постоянном выборе человека. При этом самость, принятие которой конституировано в свободном акте волеизъявления, обретается человеком посредством совести, возвращающей экзистенцию к своей способности быть.

Второй параграф **«Смерть как высший уровень ответственности»** раскрывает сущность понятия бытия к смерти, обнаруживая прямую связь между феноменами смерти, ответственности и подлинностью бытия.

Неизбежность смерти открывается центральным кризисным моментом в жизни человека, вынося переживания о жизни на периферию забот повседневности. Однако смерть, эксплицируясь в качестве точки соприкосновения бытия с трансценденцией, конститутивна не только горизонту человеческого бытия, обнажающего границы будущего личности: открываясь как пограничная ситуация, она служит толчком «к переходу на аутентичный, онтологический модус»², фундируя человека в человеческом бытии. Тогда отказ от принятия смерти свидетельствует о неготовности человека взять ответственность за реализуемое им бытие, что приводит к сокрытию от себя истинной сути экзистенции.

Обращение к трансцендентному свидетельствует о смерти как о главной экзистенциальной возможности, поскольку она является наиболее своей возможностью: любой из проектов самого себя в будущее есть проект, реализация которого зависит исключительно от человека. Однако смерть есть необходимая возможность, потому она наиболее своя.

Экзистирование к-смерти, будучи сопряженным с переживанием собственного небытия, вводит экзистенцию в резонанс. Человек, столкнувшийся с небытием в проекте будущего себя, не чувствует актуализации свободы. Страх, ужас, одиночество – экзистенциалы,

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Фолио, 2003. – С. 258.

² Есипова Н.Д. Экзистенциальные вопросы: личностный ответ // Ученые записки Орловского гос. ун-та, 2013. – № 5. – С. 73.

рождающие желание вновь раствориться в бытии повседневности, в толках, нивелирующих смерть до незначимого события. Однако отчаяние, ужас, страх – модусы бытия к смерти – не только не идут во вред духовной составляющей человека, но и закономерны для него. Бытие к смерти обращает неподлинное бытие в истинное, оно вложено в человека как в экзистенцию, человек же открывается как «способ экзистенции»¹.

В третьем параграфе «**Свобода как путь преодоления смерти**» бытие к смерти эксплицируется как путь свободы. В случае его принятия как единственно истинного бытия, для человека актуализируется свобода к смерти.

Полная позитивность как бытие в-себе раскрывается только с фактом умирания человека. Следовательно, человек, осуществляя собственное свободное бытие, каждый миг сталкивается со смертью, неумолимо надвигающейся и гарантированно обеспеченной ему как живому существу. Однако стремление вырваться из плена детерминированности заставляет человека снова и снова вступать в борьбу за возможность сохранить ту незавершенность, что позволяет ему в акте отрицания себя как объекта утвердить себя как существо свободное, как бытие для-себя, как человека в его уникальности по сравнению со всем остальным миром. Акт отрицания, рожденный в Ничто человека и называемый Сартром свободой, тем самым, позволяет уйти человеку от смерти, разрывая границы бытия в-себе. Однако инструменты, посредством которых можно говорить о вышеупомянутом феномене, такие как свободный выбор и рефлексивное вопрошание, бессильны, если нет области их применения. Отсюда можно сделать вывод об обоюдозависимости смерти и свободы. Свобода как отрицание ограниченности имеет место только за счет смерти как атрибута витальной природы человека.

Так, бытие к смерти, эксплицируемое как путь свободы, в случае его принятия как единственно истинного бытия, открывает перед человеком свободу к смерти. Отсюда следует, что попытка преодоления смерти в смысле понимания последней в качестве некоего препятствия – есть основное препятствие обретения свободы. Единственный верный путь, согласно М. Хайдеггеру, заключается в принятии смерти; именно осознание смерти в роли безотносительной возможности избавляет от иллюзий повседневности и открывает истинность бытия-в-мире.

В четвертом параграфе «**Свобода как принятие смерти и конечности**» смерть как неотторжимый факт обнаруживается витальным фоном человеческой жизни, открываясь в тревоге и переживании одиночества, при этом раскрываясь как возможность, поскольку перед человеком стоит выбор ее принятия или отвержения.

¹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / пер. с нем., под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 19.

Смерть как бытие к концу представляется для человека безотносительной необходимой возможностью, намечая окончание присутствия уже в момент его актуализации: «смерть – способ быть, который присутствие берет на себя, едва оно есть¹». Человек, уклоняясь от убежденности в собственной конечности, обрекает себя на пребывание в забвении, сопровождающееся созданием ложных ценностей взамен обретения своего «Я». Освобождая себя от переживания смерти как пограничной ситуации, он погружается в повседневность, но не избавляется от гнета смертности. Только в разомкнутости бытия к-концу посредством обращения к экзистенции люди способны облегчить бремя, обусловленное спецификой собственного бытия. Таким образом, смерть не препятствует реализации человека в его творческом и свободном аспектах, но, наоборот, принятие ее открывает истинную человеческую сущность, полагая свободный выбор за основную модель взаимодействия человека с окружающим его миром.

В **заключении** сформулированы выводы диссертационного исследования и обоснована значимость полученных результатов, а так же намечены перспективы дальнейшего изучения.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1) Силенин, И. А. Свобода и смерть в структуре человеческой экзистенции в философии Жан-Поль Сартра / И.А. Силенин // Современные исследования социальных проблем. Красноярск / глав. ред. В.Н. Абросимов, 2016. – №4-1(28). – С. 99–121. 1,3 п.л.

2) Силенин, И. А. Экзистенциализм: бытие между жизнью и смертью / И.А. Силенин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 138-142. 0,4 п.л.

3) Силенин, И. А. Смерть как высший уровень ответственности в экзистенциализме / И.А. Силенин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 8(82): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 183-185. 0,5 п.л.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Фолио, 2003. – С. 245.

Публикации в других изданиях

- 1) Силенин, И. А. Бытие к смерти как основная категория присутствия / И.А. Силенин // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. VIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2017. – №8(8). – С. 90-93. 0,3 п.л.
- 2) Силенин, И. А. Свобода и смерть как Экзистенциальный парадокс / И.А. Силенин // Научный аспект. – Самара: ООО «Аспект», 2016. – №4. – С. 115-128. 1,1 п.л.
- 3) Силенин, И. А. Философия свободы личности Н.А. Бердяева. Христианские ценности в изменяющемся мире: проблема выбора / И.А. Силенин // Электронный ресурс: материалы XII Международных научно-образовательных Знаменских чтений (28 по 31 марта 2016 года). – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2016. 0,2 п.л.
- 4) Силенин, И. А. Смерть как эксплицирующий свободу экзистенциал в философии М. Хайдеггера / И.А. Силенин // Проблемы философии: история и современность: сб. статей по итогам науч.-практич. конф. с междунар. участием (Курский гос. ун-т, 18–21 мая 2018 г.). – Курск: КГУ, 2018. – С. 143-146. 0,1 п.л.
- 5) Силенин, И. А. Истинность бытия как основание свободы в философии М. Хайдеггера / И.А. Силенин // Вестник современных исследований: сб. статей. – Научный центр «Орка», 2018. – №12-13 (27). – С. 243-246. 0,3 п.л.

Силенин Иван Александрович

СМЕРТЬ КАК ФЕНОМЕН СВОБОДЫ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Подписано в печать 13.03.2019
Гарнитура Times New Roman
Формат 60x84/16